

СВЕРКАЛИ МЫЛЬНИЦЫ, СТОНАЛИ ДЕВОЧКИ

Гастроли Фредерика Кемпфа. Большой зал консерватории

Всего клуб - 2000
27 окт. - 46.

Фото Натальи ЛОГИНОВОЙ

Приятное (средней степени) упомешательство случилось меж молодых дам и музыкального студенчества с приездом пианиста Фредерика Кемпфа. Оно объяснимо в равной степени как его ролью любимчика на последнем конкурсе имени Чайковского (третья премия), так и отсутствием полноценных (до истерики) кумиров на нашем повседневном пианистическом горизонте.

У певцов это место, несмотря на железобетонное сопротивление критики, занял Николай Басков. Из скрипачей истерику при одном лишь появлении на сцене вызывает лишь Спиваков. А пианисты? Ни луча-

щийся тихим светом Луганский, ни Руденко, чей потрясающий профессионализм почему-то воспринимается как будто он нам должен, ни «простака» Мацуев не колышут наш адреналин, во всяком случае, до касания клавиш руками.

Снова в своей имиджной черной водолазке, Кемпф, 14 октября справивший всего-то 23-летие, показал, что и просто обаяние тоже еще чего-то стоит.

В первый вечер вышел удачный альянс Кемпфа с ГАСО (Госоркестром, б. светлановским) во главе с самим Василием Синайским. Пятым концертом Бетховена музыканты

смыли ущерб, причиненный этому сочинению в конце сентября неизвестной болгарской пианисткой.

Если не считать лопнувшей в первой части струны, то Бетховен сейчас прошел на должном подъеме. Кемпф еще от себя прибавил для воодушевленной публики Сарабанду из ми-минорной Партии Баха, правда, в весьма романтической интерпретации.

Надо заметить, что зритель не-серьезный пришел на душу Кемпфа, а серьезный вроде министерско-го — «проверить» Синайского, на котором после довольно резкого увольнения Светланова, казалось, будто

висел какой-то дополнительный груз. Слава Богу, ничего подобного. Во втором отделении (без Кемпфа) ни для кого сейчас не подъемная Десятая симфония Шостаковича в интерпретации Синайского заставила вспомнить прежнюю, великую славу отечественных дирижеров.

Конечно, милый Кемпф с жизнерадостным (что с ним бывало редко) Бетховеном и терзающий дух Шостакович (правда, не так садистски, как Шнитке) — перепад не для легкомысленных. И все же зал не разбежался, а два титана-композитора предстали достойно, как и солист с дирижером.

Кроме того, Синайский, к счастью, явно обладающий чувством юмора, после Шостаковича снял напряжение бисами — остроумными инструментальными фрагментами из оперы Щедрина «Не только любовь». Вот Мути или даже Гергиев никогда не поступили бы с нами так гуманно!

Через три дня, в понедельник, Кемпф играл сольный концерт.

Один только спортивный интерес погонит меломана на 12 Трансцендентных этюдов Листа; трансцендентные — потому что действительно трудные. Есть среди них шедевры, есть и дурацкие. Слушать их — все равно что загадывать, глядя на балерину: 16 фуэте крутанет, 32, пойдет на 64 или вообще скопытится на нечетной цифре? Только что Трансцендентные этюды играл тоже приезжий Березовский. А так не припомню, кто бы еще в последние годы подвергал себя этому физическому испытанию и риску провала.

Кемпф рискнул, но уже вскоре, после рокового этюда «Мазепа», даже спортивный интерес пропал, потому что у пианиста мало что хорошего вышло. То есть тест на физическую выносливость наш юный герой, конечно, прошел — но не более. Зубр

Березовский, задевший с десятком не тех нот, ужас как раздражил нашу слабонервную критику. А тут — десятки десятков. Догромыхая эту «Дикую охоту», Кемпф, маленький, и сам уж, наверное, был не рад, что вялся.

Умолчим и о Седьмой сонате Прокофьева. Подытожим лишь, что ненарочитая небрежность обожаемого Кемпфа спустила его до уровня консерваторского пятикурсника на экзамене. Так что Луганский, Руденко и Мацуев покрепче будут.

Но обаяние — батюшки ты мои, что же делает это обаяние! Сколько запрещенных мыльниц сверкало вспышками там и здесь во все еще отдающим XIX веком Большом зале консерватории! Какие девочки толпились у сцены (плачь, Басков)! За что и получили от солиста довольно удачные романтические бисы. Хотя — стои: что это еще за Большой блестящий полонез Шопена без намека на горделивый танец? Все какие-то форшлаги, форшлаги, тридцать пять тысяч одних форшлагов. Салонная пиеска. Теперь мы знаем, как играл, наверное, виртуоз Калькбреннер, соперник Шопена-пианиста, только этим соперничеством и вошедший в историю.

Зато интересно, искренне прозвучала Третья баллада Шопена, где полуяпонцу Кемпфу оказались близки страшные фольклорные сюжеты дремучих славянских народов. Баллада стоила всех подаренных ему букетов. Один был особенно хорош — художественный, из роз и лилий. Это же сколько... Из женского и журналистского любопытства так и спросила беззастенчиво у держательницы: «Сколько???» Оказывается, музыкальная школа в Ново-Косине сложилась. А вы говорите, романтики перевелись.

Наталья ЗИМЯНИНА

27.10.2000

Кемпф Фредерик